

II. ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(571.1) «1950/1980»

В.Н. Уйманов

КАМПАНИЯ МАССОВОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1950-х – 1980-е ГОДЫ

Политические репрессии 1920-х – начала 1950-х гг. прямо или косвенно затронули миллионы советских граждан. На протяжении всего этого периода сотни тысяч человек безвинно несли наказания в многочисленных лагерях ГУЛАГа. Только после смерти И. Сталина в СССР начались перемены и была развернута кампания массовой реабилитации жертв репрессий. Однако, будучи активно организованной в середине 1950-х гг., уже в следующем десятилетии эта работа под влиянием изменений внутренней политики в стране начала замедляться, а позднее практически прекратилась. Вновь работа по реабилитации была развернута только в период демократических перемен, начатых в СССР во второй половине 1980-х гг.

Ключевые слова: *политические репрессии, реабилитация, Западная Сибирь.*

На протяжении многих лет продолжается дискуссия о том, почему в 1960-е гг. процесс реабилитации жертв политических репрессий в СССР замедлился, а потом практически прекратился. Одна часть исследователей считает, что уже в эти годы были предприняты первые попытки реабилитации Сталина, а потому будировать тему репрессий было нецелесообразно. Другие, на мой взгляд, справедливо полагают, что в политический курс страны были внесены существенные коррективы – советские граждане приступили к реализации конечной цели развития советского общества – к построению коммунизма. Перед населением страны были поставлены, таким образом, новые цели и задачи, и началась новая кампания, что было обычным явлением для советского государства. В результате процесс реабилитации так и не был завершён – бюрократическая машина сначала затормозила, а к середине 1970-х годов практически прекратила эту работу. Миллионы наших сограждан вынуждены были оставаться «врагами народа» ещё на долгие годы.

После некоторого ослабления режима репрессий в конце 1930-х гг., когда в результате пересмотра следственных дел на свободу вышла часть незаконно осужденных, до середины 1950-х гг. вопрос реабилитации невинно осужденных практически не поднимался. Начало очередного «витка» восстановления справедливости в отношении жертв политических репрессий пришлось на первую половину 1950-х годов, когда после смерти Сталина с ослаблением сложившегося в стране режима власти начались преобразования, которые можно охарактеризовать как первые шаги демократизации в обществе. Вы-

сшими органами власти страны были приняты решения, позволившие тысячам осужденных за так называемые «контрреволюционные преступления» выйти на свободу. Уже 1 сентября 1953 г. «в целях дальнейшего укрепления социалистической законности и повышения роли советского правосудия» был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении Особого Совещания при Министерстве внутренних дел СССР», в соответствии с которым Верховный Суд СССР наделялся правами пересмотра по протесту Генерального прокурора страны решений бывших коллегий ОГПУ, «троек» НКВД–УНКВД, Особого совещания при НКВД–МГБ–МВД [1. С. 71]. Но принятие Указа не означало, что он стал немедленно исполняться. Только 17 октября вышел совместный секретный приказ МВД СССР и Генеральной прокуратуры СССР об исполнении названного Указа. Приказ предусматривал направление следственных дел, расследованных органами МВД, на рассмотрение в соответствующие суды по подсудности и отводил на рассмотрение жалоб и обращений всего 20 дней, после чего заключения по делам вместе с жалобами и следственным делом полагалось направлять в МВД СССР и Прокуратуру СССР для рассмотрения в установленном порядке [1. С. 74–75].

Активизация процесса реабилитации на местах началась только после создания в 1954 г. комиссий (в Сибири – областных и краевых) по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Эти комиссии создавались на основе Постановления Президиума ЦК КПСС (февраль 1954 г.) в соответствии с

совершенно секретным приказом Генерального прокурора СССР, министра юстиции СССР, министра внутренних дел СССР и Председателя КГБ при Совете Министров СССР № 96сс/0016/00397/00252 от 19 мая 1954 г. «Во исполнение решений директивных органов» приказ обязывал пересмотреть все уголовные дела на осужденных за контрреволюционные преступления, отбывавших наказание в лагерях, колониях и тюрьмах МВД, а также в отношении лиц, находившихся в ссылке на поселении. Для пересмотра дел на местах создавались комиссии, в состав которых в обязательном порядке входили руководители вышеназванных ведомств соответствующих административно-территориальных образований, возглавлял её прокурор. К работе комиссии привлекались следователи Особой инспекции отдела кадров УМВД, следователи УКГБ, народные следователи районных и областных (краевых) прокуратур, члены областных (краевых) судов.

Комиссии имели право отменять ранее вынесенные решения по уголовным делам и реабилитировать осужденного, о переквалификации состава преступления, о сокращении срока наказания, применении Указа ПВС СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии», об отмене ссылки на поселение и об отказе в пересмотре решения по делу. Выносимые Комиссией постановления являлись окончательными и пересмотру не подлежали. Приказ также определял порядок и механизм рассмотрения дел и их документального оформления, извещения осужденного о принятом решении и т.д. Предполагалось в случае отмены решения по делу и полной реабилитации снимать с оперативного учёта лиц с уничтожением учётных карточек. Но последнее выполнено не было, возможно, в связи с тем, что сами следственные дела уничтожению не подлежали.

Рассмотрению не подлежали дела на лиц, осужденных за побег, членовредительство, отказ от работы в лагерях, квалифицированные по ст. 58–14 УК РСФСР («Контрреволюционный саботаж») и соответствующим статьям УК союзных республик. Несмотря на то, что в УК РСФСР была статья за побег (ст. 82), довольно часто при осуждении применяли ст. 58–14, так как побег рассматривался в качестве одной из форм сопротивления режиму, и мера наказания по этой статье позволяла применять ВМН – расстрел. Использование этой статьи было удобным во всех отношениях, так как, во-первых, способствовало предупреждению и запугиванию возможных будущих беглецов, а во-вторых, улучшало

показатели работы по выявлению «врагов народа». Также не подлежали рассмотрению дела на лиц, отбывших наказание за контрреволюционные преступления, но вновь осужденных в местах заключения за уголовные преступления. Жалобы от них рассматривались в общем порядке [1. С. 78–80].

Систему и механизм работы этих комиссий можно рассмотреть на основе протоколов заседаний комиссии Томской области за 1954 г. Первое её заседание состоялось 7–8 июля 1954 г. под руководством председателя комиссии – прокурора области старшего советника юстиции Я.Ф. Выпряхкина. В работе комиссии приняли участие её члены – начальники Управлений Минюста и КГБ по Томской области В.Ф. Скрябин и Н.С. Великанов. Секретарём комиссии был назначен подполковник КГБ Д.К. Салтымаков. На первом заседании было рассмотрено 18 дел, из которых только по двум (на 6 чел.) были приняты решения о реабилитации в связи с отменой решения «тройки» УНКВД за недоказанностью состава преступления. Четверо из проходивших по этим делам были расстреляны в 1937 г., в отношении Д.Д. Сухих и А.Ф. Хоменко (подавших ходатайства о пересмотре дел и освобождении из ссылки на имя Генерального прокурора СССР и Председателя ПВС СССР) было принято решение об обращении с представлением в Центральную Комиссию по пересмотру следственных дел об отмене решения Особого Совещания МГБ СССР 1950 г. об их ссылке на поселение после отбытия срока наказания.

В отношении участника Великой Отечественной войны А.Н. Ежакова, трижды раненного и являвшегося инвалидом 2-й группы, был принесён протест на предмет снижения срока наказания с 10 до 5 лет ИТЛ. В соответствии с Указом ПВС СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» он был из-под стражи освобождён со снятием судимости. К этому времени Ежаков уже отсидел 8 лет из назначенного ему срока наказания. Ещё в одном случае решение «тройки» ПП ОГПУ по ЗСК было отменено за недоказанностью, и судимость с В.П. Парфёнова была снята. Уже по отбытии срока наказания он обращался в Верховный Совет СССР с ходатайством о пересмотре дела. В отношении 10 других его «подельников» решение «тройки» было признано правильным и оставлено без изменений. По остальным делам квалификация составов преступления была признана правильной и решения оставлены в силе. В итоге в пересмотре дел и реабилитации было отказано 30 гражданам.

Принцип отбора дел на рассмотрение Комиссии понять сложно. Так, в 12 случаях это были

дела на лиц, отбывавших наказание в ОИТК УМВД Томской области, осужденных в 1946–1953 гг. преимущественно по ст. 58–10 либо по ст. 58-10-11. Сведений об их обращениях и ходатайствах в какие-либо властные структуры о пересмотре дел в протоколе заседания Комиссии нет. К периоду 1934, 1937 и 1938 гг. относились только три дела из числа вынесенных на рассмотрение. Сложно определить наличие какой-либо системы и в подборе докладчиков по делам, их оказалось шестеро – от рядового следователя районной прокуратуры до члена областного суда и трёх руководителей подразделений УКГБ [2. Л. 1–13]. Протокол содержит минимальную информацию по каждому делу – установочные данные на фигуранта(ов), какой инстанцией осуждены, когда и на какие сроки, место отбывания наказания (если было известно), а также – докладчик по данному делу. В резолютивной части – решение, оформленное колонкой объёмом от 7 до 20 с небольшим строк размером менее половины ширины листа. Заключение по материалам слушаний подшивались в уголовные дела.

Изучение этих материалов позволяет лучше понять принцип организованной в стране работы. Так, если гражданин обращался с ходатайством в какую-либо инстанцию, то его обращение для проверки направлялось в тот орган, где он был осужден. После этого дело поднималось из архива, изучалось, затем проводился передопрос заявителя и иных лиц, проходивших по этому делу в качестве обвиняемых либо свидетелей. При необходимости допрашивались и другие лица, которые могли дать информацию по существу дела. Например, в случае с А.Ф. Хоменко изучение уголовного дела позволило выявить моменты тенденциозного трактования фактов работниками, занимавшимися расследованием дела, наличия несоответствий и т.п. Единственным доказательством виновности по делу было наличие признательных показаний самих обвиняемых. Было установлено, что протоколы допросов подписывались обвиняемыми и свидетелями из-за боязни применения к ним мер физического воздействия. «Компрометирующими» материалами явились однотипные справки на обвиняемых (по делу проходили ещё 4 чел. – все расстреляны 14 октября 1938 г.), констатировавшие их «враждебность», составленные сотрудниками Томского горотдела НКВД. Никаких данных, подтверждавших участие обвиняемых в шпионско-диверсионной группе, в деле не имелось, как и не была подтверждена причастность отдельных из них к японской разведке. Каких-либо иных материалов, доказывавших «преступ-

ные действия» обвиняемых, в деле не было. Приводимые на следствии «факты» не перепроверялись, свидетели не допрашивались, очные ставки не проводились. Более того, если А. Хоменко показала на следствии, что «сведения шпионского характера она получала от своего мужа, Шлыкова Алексея Николаевича, старшего лейтенанта Красной Армии», то по его делу (арестован в феврале 1938 г. за четыре месяца до её ареста и расстрелян за контрреволюционную деятельность) она вообще не проходила [3. Л. 248–250]. Материалами дела и в результате проведённой в 1954 г. проверки, в том числе и негласными методами, связь А. Хоменко с другими фигурантами доказана не была.

С шестистраничным заключением старшего следователя Особой инспекции отдела кадров УМВД Томской области ст. лейтенанта Стекольников по делу Хоменко и др. об отмене решения «тройки» УНКВД по Новосибирской области и реабилитации всех осужденных согласился заместитель прокурора области по спецделам советник юстиции Кравцов. Далее в деле подшиты выписка из протокола № 1 заседания областной комиссии по пересмотру дел и сопроводительное письмо на имя Генерального прокурора СССР действительного государственного советника юстиции Р.А. Руденко о направлении дела с заключением и выпиской из протокола Комиссии. В письме содержалось обращение только о рассмотрении дела Центральной комиссией «для решения вопроса об отмене решения Особого совещания МГБ СССР от 13 февраля 1950 г. в отношении А.Ф. Хоменко и освобождении её из ссылки». Несмотря на то, что заключение содержало исчерпывающую информацию, подтверждавшую невиновность А.Хоменко и других фигурантов по делу, вопрос о реабилитации перед Центральной комиссией не ставился. Письмо было направлено 19 июля 1954 г., а уже 9 августа Центральная комиссия своим протоколом № 12 утвердила решение областной комиссии.

Реабилитация к осужденным по делу лицам пришла позднее. Механизм её был «запущен» справкой оперуполномоченного 5-го отдела УКГБ по Южно-Казахстанской области лейтенанта Алёхина по названному делу от 23 мая 1955 г., в которой он обращал внимание на то, что решение областной комиссии в части отмены решения «тройки» УНКВД и реабилитации Центральной комиссией не утверждалось, как не было и соответствующего ходатайства областного прокурора по этому вопросу [3. Л.254–262].

В другом случае член Томского областного суда Чернышёв, рассмотрев материалы следствен-

ного дела по обвинению 6 чел. в совершении преступления по ч. 2 ст. 58–10, 58–11 и 58–14 УК РСФСР, не нашёл «доказательств» необходимости отмены решения судебной коллегии по уголовным делам Нарымского окружного суда от 5 июля 1944 г. Но в части судьбы Е.А. Маковой, 1896 г.р., с учётом её преклонного возраста и неграмотности, предложил её от поселения освободить – она обращалась с просьбой об этом к Генеральному прокурору СССР. С его аргументами согласился уже упоминавшийся заместитель прокурора области Кравцов, но Комиссия по пересмотру дел оставила приговор в силе, а в ходатайстве Маковой отказала [4. Л. 332–337]. К сожалению, ни в деле, ни в протоколе Комиссии о причинах принятия такого решения никакой информации нет. Вновь к этому делу вернулись в апреле 1955 г., когда прокурором РСФСР был подан протест в порядке надзора в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РСФСР. Согласно протесту, приговор Нарымского окружного суда признавался неправильным и подлежал изменению, в частности, по причине отсутствия материалов о наличии какой-либо контрреволюционной организации, либо об организационной контрреволюционной деятельности. В связи с этим обвинение по ст.ст. 58–11 и 58–14 УК РСФСР из приговора подлежало исключению и дело в этой части производством прекращалось за отсутствием состава преступления. Обвинение же по ст. 58–10 ч. 2 считалось доказанным и мера наказания была определена в соответствии со степенью содеянного каждого из осуждённых. 15 апреля 1955 г. Судебная коллегия с внесённым протестом согласилась [4. Л. 338–340, 343–344].

Это дело было пересмотрено в октябре 1964 г., когда Президиум Верховного суда РСФСР на своём заседании рассмотрел его по протесту заместителя председателя Верховного суда РСФСР А.К. Орлова и постановил: «Приговор Нарымского окружного суда от 5 июня 1944 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 15 апреля 1955 г. ...отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления» [4. Л. 349–352]. Справедливость восторжествовала лишь через 20 лет после осуждения и через 10 лет после первого пересмотра дела. Реабилитация ещё одного «фигуранта» первого заседания Комиссии – А.И. Бошко – вообще затянулась на долгие 38 лет, так как он был реабилитирован в соответствии со ст. 3 и 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» только 24 июня 1992 г. [5. Л.171].

Цели, поставленные и продекларированные в приказе № 96сс/0016сс/00397/00252 от 19 мая 1954 г., не были выполнены по целому ряду причин. Во-первых, его авторы не представляли всего объёма предстоявшей работы. Во-вторых, механизм пересмотра дел был достаточно сложным, требовал значительных материальных и временных затрат. В-третьих, составы комиссий были неработоспособными по причине их малочисленности и участия в них только руководителей ведомств, для которых эта задача не была первоочередной. За этими причинами скрывалась главная – государство не было готово к резким кардинальным переменам в части решения судеб «врагов народа». Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что, снимая обвинения по ряду пунктов ст. 58 УК, пункт ст. 58–10 («Антисоветская агитация и пропаганда») оставлялся почти всегда. Необходимо учитывать и то, что решения по делам принимали люди, которые ещё совсем недавно сами в массовом порядке отправляли этих «врагов» в лагеря. Перестраивать своё мировоззрение и свои взгляды им было сложно, даже несмотря на указания и директивы ЦК партии и руководство соответствующих ведомств.

О неготовности государства к организуемой кампании реабилитации свидетельствует и секретный характер работы комиссий. Вся переписка, связанная с их работой, имела гриф «совершенно секретно». Кроме того, уже 18 июля 1954 г. приказом за № 188сс/108сс/37сс были даны разъяснения (вновь «совершенно секретные»), за подписью заместителей министра внутренних дел, Генерального прокурора и Председателя КГБ, что «знакомить заключённых и ссыльных с выписками из протоколов Центральной и местных комиссий по их делам запрещается. Запрещается также устно сообщать о том, что дело рассматривалось Центральной или местной комиссией». Выписки решений просто объявлялись от имени Прокуратуры, МВД и КГБ СССР. В выдаваемых администрацией мест заключения и поселений справках необходимо было указывать, что заключённый или ссыльный освобождены на основе постановления Прокуратуры, МВД и КГБ СССР [1. С. 81–82].

О причинах засекречивания работы комиссий, чётких объяснений нет ни в одном приказе или ином нормативном документе. Влияние на процесс реабилитации оказывали многие факторы. Но главное препятствие крылось в политике государства и КПСС – признаться перед всем миром в творимых на протяжении десятилетий беззаконии и произволе в стране, строившей «светлое будущее», о миллионах безвинных жертв было «поли-

тически нецелесообразным». Н. Хрущёв в своих мемуарах писал: «Уже после XX съезда партии мы реабилитировали почти всех невинных (огромное заблуждение либо умышленное сокрытие истинных масштабов репрессий. – В.У.), но тех, кто проходил по открытым процессам (Рыков, Бухарин, Зиновьев, Каменев и др. – В.У.), мы не реабилитировали, но не потому, что существовали доказательства вины. Тут имелись соображения иного характера. Мы спрашивали тогда прокурора: «Были ли реальные доказательства их вины для суда?». Никаких доказательств нет! А судя по тем материалам, которые фигурировали в деле этих людей, косвенно говоря, они не заслуживали не только обвинения, но даже ареста. Прокурор Руденко так и докладывал членам Президиума ЦК партии в 1950-е гг. Почему же их тогда не реабилитировали? Лишь потому, что после XX съезда партии, когда мы реабилитировали многих несправедливо арестованных, на это бурно реагировали люди внутри страны и за границей. Руководители братских коммунистических партий были обеспокоены, потому что это событие потрясло их партии...».

По словам Н. Хрущёва, наиболее бурно реагировали лидеры итальянской и французской коммунистических партий П. Тольятти и М. Торез, обратившиеся с заявлением, что реабилитация обвиняемых на этих процессах создаст невероятные условия для братских компартий, особенно для тех, чьи представители присутствовали на процессах. «Мы не хотели фактом признания несостоятельности этих процессов вооружить своих врагов против братских компартий...» [6. С. 55–56]. Это, в конечном счёте, затормозило процесс реабилитации на десятилетия. Именно по этой причине и вся работа по реабилитации была засекреченной. Слова Хрущёва подтверждают наличие боязни реакции со стороны своего народа на всего лишь приоткрытие завесы с информации о «мудром и справедливом» руководстве страной со стороны «великого вождя» И. Сталина и тех, кто эту завесу приоткрыл. Началом отсчёта массовой реабилитации следует, видимо, считать сентябрь 1955 г. – после выхода Указа ПВС СССР от 19 августа 1955 г. «О внесении изменений в статью 3 Указа ПВС СССР от 1 сентября 1953 г. «Об упразднении Особого совещания при Министре внутренних дел СССР». Указ позволил пересматривать дела военным трибуналам, верховным судам союзных республик, президиумам верховных судов АССР, краевых и областных судов.

XX съезд КПСС, осудивший культ личности Сталина, официально признал наличие в СССР

политических репрессий и их незаконность. Решения съезда подняли работу по реабилитации на качественно новый уровень. Так, уже в марте 1956 г. были приняты два Указа ПВС СССР, оказавших серьёзное влияние на организацию работы по реабилитации. Указ ПВС от 10 марта отменил Указ ПВС от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдалённые местности СССР». Все сосланные по этому Указу автоматически подлежали освобождению. А 24 марта был принят Указ ПВС СССР «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления». И уже 14 апреля КГБ при СМ СССР был издан секретный приказ № 042 о реализации этого Указа в практической деятельности органов КГБ СССР на местах. В соответствии с указом создавались комиссии, в частности, для проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения лиц, обвинённых в совершении преступлений политического характера. Комиссии имели право принимать на месте окончательные решения об освобождении из мест лишения свободы лиц, неправильно осужденных, а также тех, чьё содержание под стражей не вызывалось необходимостью. Комиссиям было разрешено принимать решения о сокращении сроков наказания, что, кстати, очень активно было использовано данными комиссиями на этом этапе их работы. С освобождаемых от наказания граждан снимались судимость и какие-либо ограничения в правах. Несмотря на непродолжительную работу этих комиссий (в соответствии с Указом они работали до 1 октября 1956 г.), из мест лишения свободы были освобождены десятки тысяч человек.

В середине 1950-х гг. Верховным Советом и Советом Министров СССР был принят целый ряд документов, имевших важнейшее значение для реабилитации жертв режима. Среди них амнистии, касавшиеся некоторых категорий осужденных, в том числе и за политические преступления, постановления «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» (июнь 1956 г.), «О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлечённых к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных» (сентябрь 1955 г.), «О снятии с учёта некоторых категорий спецпереселенцев» (1955 г.), «О порядке расчётов по возмещению реабилитированным гражданам стоимости изъятого у них имущества» (ноябрь 1956 г.) и другие. По большинству этих документов издавались

Таблица 1

Динамика реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири (1954–1988 гг.)

Год	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Томская область	Республика Алтай	Всего чел.
1954	90	50	355	15	–	510
1955	396	738	3525	271	1	4931
1956	3401	5448	3139	1001	8	12997
1957	2900	9762	6424	1988	3	21077
1958	3136	5578	4522	1974	92	15302
1959	6146	3528	6869	2316	34	18893
1960	1438	1280	2268	1394	4	6384
1961	720	462	1816	731	2	3731
1962	476	461	894	391	33	2255
1963	322	317	1029	342	2	2012
1964	213	339	576	350	6	1484
1965	410	309	444	493	41	1697
1966	206	241	303	215	4	969
1967	244	125	151	65	2	587
1968	187	116	152	35	1	491
1969	101	72	158	40	–	371
1970	121	80	86	16	–	303
1971	40	44	88	12	–	184
1972	22	33	26	9	–	90
1973	19	44	24	4	–	91
1974	22	28	36	6	–	92
1975	14	9	36	8	–	67
1976	10	19	21	1	–	51
1977	10	20	12	5	–	47
1978	21	6	25	2	–	54
1979	11	1	2	1	–	15
1980	3	4	2	7	–	16
1981	2	3	5	–	–	10
1982	5	5	11	2	–	23
1983	–	1	8	1	–	10
1984	12	13	4	3	–	32
1985	1	1	12	1	–	15
1986	4	3	6	2	–	15
1987	4	21	1	2	–	28
1988	150	100	27	11	–	288
Всего	20857	29261	33057	11714	233	95122

ведомственные приказы и указания. Так, например, по постановлению в отношении судеб военнопленных 30 июля 1956 г. был издан приказ КГБ при СМ СССР № 0112, а в Министерстве обороны страны – директива № 52690 от 23 июля 1956 г. Если приказ КГБ предусматривал механизм и по-

рядок отбора контингентов и оформления соответствующих документов, то директива предполагала организацию работы по восстановлению бывших военнопленных в воинских званиях, их увольнению со службы в запас или в отставку, засчитывание времени пребывания в плену в срок

Таблица 2

Динамика реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири по десятилетиям (1954–2009 гг.)

Год	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Томская область	Республика Алтай	Всего чел.
1954–1960	17507	26384	27102	8959	142	80094
1961–1970	3000	2522	5609	2678	91	13900
1971–1980	172	208	272	55	–	707
1981–1990	9284	4869	5508	3658	805	24124
1991–2000	6843	6501	4728	3104	5334	26510
После 2000	571	1572	1020	360	279	3802
Всего	37377	42056	44239	18814	6651	149137

Источник: Таблицы составлены автором на основе обработки баз данных Управлений ФСБ РФ по Кемеровской и Томской областям, Управления по Республике Алтай, Управления архивного дела администрации Алтайского края и оперативных учётов Управления ФСБ РФ по Новосибирской области.

службы и даже награждение отдельных из них [6. С. 142–143].

По указам ПВС СССР снимались ограничения в правах в отношении находившихся на спецпоселении немцев (декабрь 1955 г.), калмыков (март 1956 г.), греков, болгар, армян (март 1956 г.), крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов (апрель 1956 г.) и представителей других национальностей. Несмотря на то, что продолжали действовать ограничения по их возвращению к местам прежнего проживания, возврату конфискованного имущества и некоторые другие, эти документы можно отнести к первым шагам со стороны государства по реабилитации этих народов.

В Западной Сибири в 1954–1960 гг. процесс реабилитации шёл активно. Если в СССР в 1954–1960 гг. были реабилитированы 737 182 человека, то сотрудниками органов госбезопасности Алтая, Новосибирской, Кемеровской и Томской областей и Республики Алтай (в рамках современного административно-территориального деления) – 80 тыс. чел., в основном осужденных «тройками», Особым совещанием и другими несудебными органами, что составило 10,85% от общего числа реабилитированных в стране.

До начала 1960-х гг. процесс реабилитации был на постоянном контроле КГБ и Прокуратуры СССР. Вопросы, связанные с этой работой, постоянно рассматривались на заседаниях коллегий, советах при начальниках территориальных органов, на служебных совещаниях, партийных собраниях и собраниях коллективов правоохранительных органов. Пересмотром архивно-следственных дел чаще всего занимались сотрудники следственных подразделений, за положительные результаты в этой работе они отмечались и поощрялись. Так, приказом начальника УКГБ при СМ СССР по

Томской области № 014 от 5 октября 1956 г. была объявлена благодарность и выдана денежная премия за достигнутые положительные результаты в работе, в частности, за пересмотр 67 архивно-следственных дел и вынесение по ним заключений в отношении 567 чел. сотрудникам следственного отдела К.П. Челнокову, А.Н. Гузняеву и др. Такие примеры не были единичными.

С началом 1960-х гг. работа по пересмотру архивно-следственных дел пошла на убыль, о чём свидетельствуют табл. 1 и 2. Причина заключалась в субъективном факторе, игравшем в 1960–1980-е гг. важнейшую роль в жизни советского народа. Эти таблицы наглядно отражают цикличность процессов реабилитации. Если в период с 1954 по 1970 г. в пяти субъектах Западной Сибири было реабилитировано 93994 чел., то в период 1970-х и до 1989 гг. – всего 1128 человек. Оживление работы по реабилитации началось после выхода в свет Указа ПВС СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». До 2001 г. справедливость была восстановлена ещё в отношении 50 тыс. жителей этих регионов. К началу нового тысячелетия работа по пересмотру архивно-следственных дел и реабилитации жертв политических репрессий в основном была завершена – в названных субъектах были реабилитированы 149137 чел. В общей сложности (с учётом Омской области) число реабилитированных жертв массовых репрессий периода 1920 – начала 1953 гг. на территории Западной Сибири определяется в 180 тыс. человек.

Уместно напомнить, что речь идёт только о лицах, осужденных по политическим мотивам, без учёта направленных в Западную Сибирь на спецпоселение (несколько сот тысяч человек), реабилитированных.

литацией которых занимались органы внутренних дел страны. Осужденные же по ст. 61 УК РСФСР («За отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих государственное значение») или по Закону от 7 августа 1932 г. («Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности») и целому ряду других указов и законов Советского государства реабилитации не подлежали. Между тем осуждение по этим правовым актам, не будучи провозглашённым официально, практически всегда подразумевало политический характер их применения.

Анализ таблиц позволяет сделать однозначный вывод, что начатая в середине 1950-х гг. кампания массовой реабилитации жертв политических репрессий действительно носила характер хорошо организованной плановой программы, направленной на восстановление справедливости в отношении пострадавших от репрессий. В эти годы в Западной Сибири были реабилитированы более половины всех пострадавших от репрессий. Однако по мере развёртывания этой работы партийно-советское руководство вынуждено было задуматься о возможных негативных послед-

ствиях этой кампании. Несмотря на всю секретность работы, не было никакой возможности скрыть масштабы допущенного руководством страны беззакония по отношению к своему народу. Подобный произвол искажал облик государства, провозгласившего построение коммунизма. Тем более, что непосредственное отношение к организации массовых незаконных репрессий имели многие из руководителей СССР. Постепенно в стране произошла смена политических приоритетов. Тема массовых репрессий и реабилитации постепенно искусственно была отодвинута далеко на задний план и стала активно замалчиваться, вплоть до конца 1980-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. 223 с.

2. *Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Оп. 7. Д. 29.*

3. *Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-860.*

4. *Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-6806.*

5. *Архив УФСБ РФ по Томской области. П-10774.*

6. *Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 5.*